

Борьба за жизнь... сельского храма

Семьдесят лет богоборчества оставили нам, живущим ныне, печальное наследие. Разрушенные, оскверненные, точно униженные целым поколением, неизменно отмечающим на старинных стенах свои «даты», храмы – это по-прежнему наша горечь, наша сердечная боль. Сколько вас таких, забытых, вросших в окружающий пейзаж настолько, что даже глаз не останавливается у прохожего? Сколько вас? И каждый кирпич, срывающийся с вашего купола, падает не на землю, а на сердце живущего ныне человека.

То, что сегодня в большинстве своем происходит с сельскими православными храмами, называется «цивилизованным» уничтожением. Да, новое время привносит новые методы, в том числе и популярный метод невмешательства. Заставить себя поверить, что ты непричастен, просто. Какое тебе – дачнику или сельскому жителю, у которого забот полон рот, – дело до какой-то там руины на краю деревни? Пусть себе стоит, разрушается дальше. А была когда церковь, старики говорили, красивая была, с колоколами. Потом колокола сбросили, церковь закрыли, свалили в нее зерно, после и вовсе почти разрушили... А сегодня... сегодня это памятник той странной эпохи. Местный ориентир без названия и личной значимости. Пусть себе стоит с Богом...

Да он и стоит. Храм — не храм, склад — не склад. Вроде и ненужное, оскверненное, брошенное, но все же святое. Зайти страшно, со стен еще смотрят нарисованные святые, под сводами еще слышится гулкое эхо, под ногами хрустит кирпич, а над головой порхают воробьи. Какой странный и таинственный мир. И говорить хочется тише, и вообще как-то странно наполняются смыслом мысли. И мысли эти не о времени богоборчества, а наоборот, глаза рисуют не выданный никогда интерьер, бородатого безмяянного батюшку на амвоне и много-много простого народа, внемлющего проповеди. Можно убивать храм, можно иезуитски истязать его настолько, насколько извращен ум,

но он все равно останется храмом – домом Божиим, в котором живет тот самый ангел, дарованный ему Творцом при освящении. И находясь внутри, можно всем существом ощутить, что руина-то эта – живая. Измученная, истерзанная, но живая. Прижаться бы к старинной стене, всегда теплой, несмотря на вечную прохладу внутри, ощутить свою связь с этим удивительным невидимым миром и с дрожью понять, что ты неотъемлем от этих стен, какими бы чуждыми они тебе ни казались.

На территории Калининского района Тверской области, на берегу реки Тверцы, в пятнадцати минутах езды на электричке от Твери есть село с красивым названием Пречистый Бор. В 1929 году Бор из Пречистого «традиционно» стал Красным. Но название не прижилось. Красный Бор на бумагах да на карте, а в головах он по-прежнему Пречистый. В селе есть храм Рождества Богородицы. Времена богоборчества оставили от храма лишь основной объем, «обрубив» его со всех сторон, сломав колокольню, трапезную, апсиду алтаря. Вот и стоит сейчас этот «домик», окруженный высокими елями да зарослями сирени. А с другого берега его гуашью рисуют отдыхающие в лагере дети.

История этого места уникальна, она связана с образованием знаменитого Отроч монастыря (где в заточении находился

опальный митрополит Филипп, где и был убит Малютой Скуратовым). Некогда на месте, где сейчас стоит сельский храм, существовал древний Богородицкий на Бору мужской монастырь, по преданию, основанный отроком Григорием, слугою тверского князя Ярослава Ярославича. Легенда повествует о том, что Григорий полюбил дочь пономаря села Единоново Ксению (будущую мать великого князя Михаила Тверского). Но князь Ярослав, увидев девушку, задумал жениться на ней сам. Григорий от горя снял с себя княжеские одежды и удалился на берег Тверцы, где соорудил себе часовню и келью.

Так случилось, что не остался отрок в тверском бору, а пожив там некоторое время, пришел на устье Тверцы, в Тверь. Во сне явилась Григорию Богоматерь и повелела воздвигнуть храм во имя честного и славного Успения Ее. «Указав место, говорит ему: «Хочет Бог прославить это место и распространить его. Большая обитель будет здесь. Ты же иди с миром в город к князю своему, а он

22

помощник тебе будет во всем и просьбу твою исполнит. И когда все совершишь и монастырь устроишь здесь, немного времени проживешь и отойдешь к Богу» (Исаков В.З. «Повесть о Тверском Отроч монастыре» из книги «Тверская классика». Тверь, 2005).

Все случилось так, как сказала Богородица. Ярослав Ярославич приказал заложить монастырь в месте, указанном отроком Григорием, и назвать его Отроч монастырем. Григорий постился в нем с именем Гурий и, прожив недолго, скончался.

На берегу Тверцы, где Григорий выстроил часовню и хижину, через какое-то время образовался монастырь, названный Богородицким на Бору, который являлся вотчиной Отроч монастыря. Монастырь известен с XIV века.

Во второй половине XVII века обитель упразднили, а храм в честь Рождества Богородицы сделали приходским.

В 1729 г. деревянная церковь сгорела, и в 1730-е гг. на ее место из Заволжского посада Твери была перевезена другая. Существоющая каменная церковь на средства прихожан начали строить в 1790-х годах. Строительство было завершено в 1809 г.

В 1900 — 1903 гг. вместо первоначальной трапезной (теплой церкви) по проекту и под личным наблюдени-

ем архитектора В.И. Назарина была построена новая, более обширная трапезная с приделами Иоанна Златоуста и Вознесения Господня. В Пречистом Бору любил бывать и тверской архиепископ Фаддей, там у него была своя дача. Ныне священномученик Фаддей – один из самых почитаемых в Твери святых. Место в Пречистом, где он бывал, никому теперь не известно.

В советское время были разрушены: колокольня, теплый храм, алтарь основного холодного храма. На сегодняшний день от храма остались лишь стены с фрагментами уникальной клеевой живописи 1-й половины XIX века, выполненной предположительно тверской иконописной школой. Примеры подобной стенописи можно сосчитать по пальцам.

Сегодня в деревне визжат бензопилы и косилки, стучат молотки, а у храма тишина, лишь листва рядом шумит. Внутри храм убран, но в нем такой ветер, что задувает свечи (в храме десять открытых проемов, не считая окон верхнего света). Кто-то из местных повесил иконы Спасителя и Богородицы, из оконной столярки сделал ящики с песком для свечей, в юго-западном углу поставил грубо сколоченный деревянный крест. И все, больше ничего нет. Со стен немymi возгласами смотрят варварски написанные белой краской крупные надпи-

си: «Господь, дай нам сил восстановить этот храм», «Христиане, уберите мусор от стен храма».

Тверской православный молодежный клуб «Сеятель» давно ходит в Пречистый Бор: и просто, и с крестными ходами. Так уж сложилось. В последний раз из Твери к храму пришло более пятидесяти человек городской молодежи. Священник из пригородной деревни Черногубово о. Максим Сивцов отслужил в храме водосвятный молебен и панихиду. В тот день увидели над головой в куполе небольшое, но сквозное отверстие. В головах вихрем пронеслись мысли: крышу бы, хоть временную. Храм небольшой, невысокий, денег надо не так много. Успеть бы. Не успеем, за лето не получится, переживет ли ветхий купол зиму? Рухнет, и все...

И как будто сразу храм стал выше и роднее. Ничего, спасем, двести лет стоишь, еще двести продержаться, сделать бы крышу.

Проблемы обнаружались уже позднее, когда несколько человек от клуба приехали на место, чтобы посмотреть на храм практическим взглядом. Храм действительно невысокий, но оказался «заперт» со всех сторон кладбищем. Вокруг здания много места, но под ногами кирпич, а там где он кончается, виднеются недавние захоронения. В храм вошел мужчина, перекрестился на висевшую икону Спасителя. Спросили,

23

откуда он. Мужчина оказался из соседней деревни Устье, он сказал фразу, которая камертоном звенит в ушах до сих пор, и такие неутешительные мысли рождаются от этого звука: «Здесь можно встретить людей из разных деревень, – сказал он. – Нас всех теперь объединит кладбище...». Господи, кажется, и не было никогда того времени, когда люди из деревень объединял храм, кажется все это какой-то доброй сказкой с какими-то другими людьми и в какой-то другой стране. В той стране невымыслимо было подумать, что к храму можно будет пройти лишь тропинкой между оградками, в той стране все дороги вели в храм. От таких мыслей еще более неподъемными делаются руки, трещинки и

выломы в старинных стенах становятся четче и множатся на глазах. Нужно как-то иначе.

Нужно придти к осознанию неизбежности созидания в любых условиях. Это сложно. Иногда легче построить новый храм, чем поднимать разрушенный, но, может, в этом подземе из руин и скрывается та затаенная сила, позволяющая крепить в себе дух. Может, время, в котором храмы молят о помощи, это время людей, способных слышать? Не практичного рационализма, а более тонких материй: сплетений веры в Бога, надежды на успех, любви к делу, которое делаешь. Бог отдадим нам, мудствующим некогда идеями гедонизма людям XXI века, эти храмы не для художественной

фактуры, не для того, чтобы соревноваться в равнодушии, не для вечного оплакивания своего бессилия и повода бросить в прошлое камень. Но для чего-то другого. Может, для того, чтобы, поддерживая падающие своды, укрепляя расстрекавшиеся стены, поддерживать и укреплять в себе тот уголок веры, который теплится в каждом из нас. Ведь у Бога все промыслительно – все имеет смысл. И храм в Пречистом Бору нужен тверской молодежи не из жалости, не для популяризации своей деятельности. Он просто нужен. Настоящий живой храм, в котором после долгих десятилетий пустынь вновь зазвучала бы общая молитва. И чтобы это было в нашей стране, в нашем времени, с нами...

24